

ОБЩИЙ ОЧЕРК ХОДА СОБЫТИЙ В ЮЖНОЙ И СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ

Несмотря на сказочные успехи Гарибальди в Сицилии, намерение его перевести войну на континент представлялось планом чрезвычайно рискованным. После всех потерь, понесенных королевскими войсками в Палермо и при Мелатцо, у Франциска II оставалось еще от 80 до 100 тысяч войска. Прежние неаполитанские генералы были люди неспособные, но уже выдвигались на первый план другие командиры, считавшиеся хорошими генералами, например Боско и фон-Михель. Какова бы ни была боевая годность собственно неаполитанских солдат, в их армии находилось несколько тысяч немецких наемников, буйных, но очень храбрых. Один этот иностранный корпус имел силу, повидимому слишком достаточную для отражения волонтеров Гарибальди. Да и между самими неаполитанскими солдатами находилось несколько полков, которых нельзя было подозревать в неохоте сражаться. Таковы были, между прочим, гвардейские полки. Таким образом, если и не считать ни за что большую половину неаполитанской армии, все-таки оставалось в ней от 20 до 30 тысяч войска, казавшегося очень надежным. У Гарибальди все силы едва ли простирались до такой цифры. Значительную часть их он должен был оставить для охранения Сицилии и никак не мог переправить на материк больше 15 000. Из этих 15 000 две трети составляли новобранцы, слишком мало пригодные к серьезным битвам: 4 или 5 тысяч человек, никак не больше, должны были бы выносить на себе всю тяжесть сражений. Слишком сомнительно было, чтобы такая горсть людей, какою бы храбростью она ни отличалась, могла устоять против надежных неаполитанских войск, в пять или в шесть раз многочисленнейших и имеющих за собою еще десятки тысяч солдат, которые при первом успехе своих товарищей так же укрепились бы духом, бросились бы задавить ничтожного неприятеля. Поэтому до самого последнего акта борьбы такие люди, как Уллоа и Боско, находили, что лишь бы только представилась им возможность сразиться, Гарибальди был бы подавлен. Нет нужды, что он уже прошел большую часть королевства, — в несколько дней могли быть возвращены под власть Франциска II не только континентальные провинции, но и самая Сицилия. Так думали неаполитанские генералы, когда он приближался уже к Салерно. Действительно, он не был поражен только потому, что не успевали они удержать войск на месте до встречи с ним. У неаполитанских солдат не поднимались на него руки; они поспешно двигались назад, лишь только слышали, что он подходит, и на отступлении разбегались толпами. Войны не было, был только ряд капитуляций. Тут повторилось, только в противоположном смысле, то самое, что было в 1821 и 1823 годах в Испании при

движении французов на помощь Фердинанду VII и в Неаполе при движении австрийцев на помощь Фердинанду I. Весь успех Гарибальди произошел лишь оттого, что он умел предвидеть это.

Мы представили подробные рассказы корреспондентов «Times'a» о важнейших сторонах неаполитанской катастрофы, о действиях Гарибальди и о событиях, происходивших в столице королевства в последние дни перед его прибытием. Нам остается только дать краткий общий очерк, с которым читатель мог бы связать эти подробности.

Весь южный конец западного берега Калабрии покрыт множеством маленьких фортов, находящихся в связи между собою. Неаполитанское правительство всегда считало эту границу своих континентальных владений самую слабою частью своих границ и давно укрепило ее. Кроме фортов, континентальный берег пролива был защищаем флотом, бороться с которым Гарибальди не имел никаких средств. Поэтому, решившись сделать высадку, он имел только тот шанс успеха, что какой-нибудь хитростью обманет неприятеля. Хитрость удалась ему и здесь, точно так же, как под Палермо. Он делал серьезнейшие приготовления на северо-восточном углу Сицилии, на мысе Фаро, показывая вид, что, несмотря на форты и на флот, хочет переправиться в проливе и собственно в самом узком месте, у северо-западного конца пролива, с мыса Фаро прямо к фортам Шилле или Фиумарскому. Истинный план свой он умел сохранить в такой глубокой тайне, что даже его штаб верил серьезности приготовлений, делавшихся на мысе Фаро. Да и в самом деле, как было не верить? — Все его перевозочные средства состояли, повидимому, только в рыбацких лодках, на которых нельзя пускаться в открытое море. Ясно было, что он может думать о переправе лишь в таком месте, где с одного берега виден другой. Все внимание неаполитанцев, как и внимание собственных его офицеров, было сосредоточено на проливе. Но что же делал он между тем? В сражении при Мелатто участвовала лишь одна из его дивизий, бывшая в авангарде; другие дивизии, далеко отставшие от нее, шли к Мессине затем, чтобы сосредоточиться, как все думали, на мысе Фаро. Но август в Сицилии чрезвычайно зноен; нельзя же было слишком изнурять войска форсированными переходами, должны же были они после нескольких маршей останавливаться где-нибудь для отдыха. Все эти отдыхи и марши казались имеющими значение лишь для расчета времени, к какому вся армия сосредоточится под Мессиною. Вот одной из дивизий, приближавшихся к Мессине, пришлось иметь стоянку для отдыха в Таормине, на восточном берегу Сицилии, еще очень далеко и от Мессины и от пролива. Никто не думал ни об этой дивизии, ни о Таормине. Да и как было думать? На восточном берегу Сицилии Гарибальди не имел никаких перевозочных средств. Все они собраны были на северном берегу, в Палермо и в Фаро. Путь из Палермо

в Фаро на восточный берег острова идет через пролив, а пролив был занят неаполитанским флотом. Итак, дивизия, отдыхавшая в Таормине, могла найти для себя суда или лодки только тогда, когда пройдет на северный берег. Но вот, в противность всякому правдоподобию, она явилась на континенте. Как могло это случиться? Для переправы через открытое море, для переезда в несколько десятков верст не годились рыбацкие лодки; они спокойно оставались у мыса Фаро, служа для неаполитанцев предметом внимательного наблюдения. Но пароходы Гарибальди беспрестанно развезжали из Фаро в Палермо, из Палермо в Фаро; эти поездки нужны были для отправления к Мессине новых волонтеров, приезжавших в Палермо. Однажды волонтеров было довольно много, оттого понадобилось для них два парохода; итак, выехали из Палермо два парохода. Ничего чрезвычайного тут не было; это бывало и прежде. Куда они поехали? Разумеется, на запад вдоль северного берега к Мессине, как ездили уже много раз. Но когда все думали, что они отправились из Палермо, по обыкновению, на восток, они поплыли на запад, потом на юг, объехали кругом всю Сицилию, явились у Таормины; в несколько часов посадил на них Гарибальди стоявшую в Таормине дивизию и еще через несколько часов спокойно высаживался на таком пункте Калабрийского берега, куда, по всем расчетам, никак не могли переправиться его войска. Если бы хотя кому-нибудь в неаполитанском флоте вздумалось ожидать такого маневра, все дело расстроилось бы: одного из многих военных пароходов неаполитанского флота было достаточно, чтобы задержать всю экспедицию Гарибальди. Точно так же нескольких пушек на берегу было бы довольно, чтобы заставить экспедицию вернуться назад. Но Гарибальди выбрал такой пункт Калабрийского берега, на котором не встретил ни малейшего сопротивления.

Все неаполитанские войска, находившиеся в южной части Калабрии, были расположены на западном берегу, которому одному угрожала опасность, по мнению их генералов. Главные силы были расположены на той части западного берега, которая находится против пролива. Южнее того и на западном берегу было мало войск; а Гарибальди высадился на южном берегу, довольно далеко от западного. Эти места казались находящимися вне всякой опасности, и войск по соседству вовсе не было. Корпус Гарибальди, спокойно высадившись и несколько отдохнув, двинулся на Реджо, служивший центральной позицією королевских войск в южной Калабрии. В этом городе, имеющем 15 000 жителей, находилось менее тысячи королевских солдат. Сопротивление было так безнадежно, что неаполитанский командир не считал себя довольно сильным для борьбы не только с Гарибальди, но и с горожанами: они своими угрозами заставили его выйти за город. Нескольких выстрелов было достаточно, чтобы прогнать неаполитанцев в цитадель, которая также сдалась через несколько

часов. Эта первая стычка была единственною попыткою сопротивления неаполитанских войск до самого вступления Гарибальди в Неаполь. Да и она была так ничтожна, что едва ли стоила волонтерам десятка убитых; а далее Гарибальди уже не встречал сопротивления. Говорят, что до самого занятия столицы он потерял только восемь человек убитыми и только 15 из его волонтеров были ранены. Почти все они пострадали в стычке под Реджо. В числе убитых тут находился француз де-Флотт, потеря которого опечалила всю армию волонтеров. Де-Флотт в 1848 году был осужден на вечную ссылку за участие в июньском восстании¹. Ссылка была потом заменена изгнанием, но он успел тайно пробраться во Францию и долго занимал там под фальшивым именем довольно важное место по управлению одною из железных дорог. Открыв через несколько лет настоящее его имя, французская полиция не стала тревожить его. Услышав о приготовлениях итальянцев к сицилийской экспедиции, он бросил свое обеспеченное положение и скоро приобрел любовь Гарибальди замечательною храбростью и благородством характера. Признательные итальянцы открыли теперь подписку на памятник ему.

В то самое время, как шла перестрелка под Реджо, переехали через пролив на Калабрийский берег несколько тысяч волонтеров, стоявших у Фаро. Неаполитанские пароходы ушли от Фаро на юг помогать обороне Реджо, и лодки, собранные в Фаро, воспользовались их отсутствием. Скоро этот корпус соединился с тем, который сражался у Реджо. Линия фортов южного конца Калабрии не могла бы противиться волонтерам; один за другим форты сдались без сопротивления, и Гарибальди быстро двинулся на север. Летучие колонны, составлявшие авангард неаполитанских сил, были обойдены им; солдаты их сдались на капитуляцию или разбежались без всяких капитуляций.

Все королевские войска расположены были по единственной дороге, которая соединяет Неаполь с южными провинциями. Дорога эта идет по западному побережью. В восточных провинциях находились лишь очень немногие и очень слабые отряды, состоявшие почти исключительно из конных жандармов. Они не могли удерживать в повиновении жителей, готовившихся поддержать Гарибальди, лишь только он высадится. Восстание началось в восточной полосе королевства одновременно с тем, как переправился в Калабрию, недели за две перед высадкою самого Гарибальди, небольшой отряд волонтеров, скрывшийся во внутренность полуострова, в ожидании главных сил. По взятии Реджо восстание охватило всю юго-восточную часть королевства, и тысячи инсургентов пошли на запад, чтобы овладеть прибрежною дорогою. Они захватывали бесчисленные дефиле этой единственной дороги; сообщения между разными корпусами королевских войск были прерваны, и те отряды, которые не были принуждены

положить оружие, поспешно отступали, с каждым днем уменьшаясь в числе: солдаты разбежались из-под знамен, или вовсе не встречая неприятеля, или встречая его лишь затем, чтобы принять капитуляцию. Гарибальди вел на север свое войско, простиравшееся до 10 или 12 тысяч человек. Скоро увидел он, что неаполитанские войска исчезают с его пути гораздо быстрее, чем могут итти его солдаты; он с одними офицерами своего штаба поехал впереди своих колонн занимать ожидавшие его провинции. Разве первую четверть пути до Неаполя он совершил с войском, остальные три четверти совершил в сопровождении только офицерской свиты своей и в самый Неаполь приехал только с 18 или 19 офицерами. На этом мы остановимся в рассказе о его действиях, и посмотрим, что делалось в столице королевства в те дни, когда он готовил высадку и потом ехал, как будто мирный правитель, на почтовых лошадях и наконец в вагоне.

Около двух месяцев, с последних чисел июня до половины августа, существовала в Неаполе странная смесь конституционного и придворного, либерального и реакционного правительств. Из того, что делалось в Неаполе, половина делалась властью конституционного министерства в одном смысле, другая половина в совершенно противоположном смысле делалась силою прежних людей, удержавшихся во многих важных должностях, особенно по военной части, и сохранявших влияние на короля. Когда видно стало, что на-днях произойдет высадка Гарибальди, и обнаружилась признаки скорого восстания в восточных провинциях, реакционная партия объявила королевство находящимся в осадном положении (14 августа). Но все предчувствовали, что скоро Гарибальди будет в столице; а когда он высадился, стали считать этот срок не неделями, а днями; потому осадное положение оставалось существующим лишь на бумаге. У реакционеров не было ни солдат, ни даже офицеров. Они должны были бездействовать, не находя исполнителей для распоряжений, которые желали бы принять. Партия сопротивления с каждым днем ослабевала, хотя ее приверженцы оставались на местах, повидимому дававших им полную власть; общественное мнение с такою уверенностью твердило им: «вы ничего не можете сделать», что у них опускались руки. Они сами довели себя до такого положения своею прежнею безрассудностью. Они видели себя неприготовленными к борьбе, потому что слишком привыкли к безответности населения.

Они так привыкли к ней, что даже и теперь слишком многие из них не понимали всей безнадежности своего положения. Трудно поверить, что, в виду приближающегося неприятеля, покидаемые всеми, они не переставали заниматься интригами друг против друга, как будто бы продолжается положение дел, существовавшее год тому назад. Мы говорили несколько раз о планах, составлявшихся мачехою нынешнего короля во время болезни его отца

для изменения порядка престолонаследия, а по воцелении Франциска II на престол — для низвержения пасынка и провозглашения королем графа Трани. Мы говорили, что было несколько таких попыток даже в последние месяцы, когда Гарибальди уже овладевал Сицилией. Принужденная удалиться из Неаполя, вдовствующая королева продолжала заниматься прежними интригами; а в последние дни своего царствования Франциск II нашел еще нового соперника в кругу своего семейства.

Дядя короля, граф Аквильский, постоянно одобрял систему, господствовавшую в Неаполе; но когда после высадки Гарибальди в Сицилию заговорили в Неаполе о конституции, он вдруг начал горячо поддерживать это требование. Его сильным настоянием в последнем заседании прежнего министерства более всего обязаны были своею победою люди, думавшие лишить Гарибальди приверженцев в Неаполе провозглашением конституции: он убедил короля дать отставку прежним министрам и составить конституционный кабинет. Он же рекомендовал королю Либорио Романо, либеральнейшего из новых правителей. Страна была такая перемена в графе Аквильском, но причины ее скоро прояснились. Дядя короля искал популярности, чтобы, воспользовавшись тяжелым положением своего племянника, стать на его место. Когда графу Аквильскому показалось, что он приобрел расположение неаполитанцев своим конституционизмом, он начал готовить дворцовую революцию. Он составил себе толпу кондотьеров, которым давал по пиастру в день жалованья, которых снабдил кинжалами, револьверами и ружьями. Для них шиты были мундиры национальных гвардейцев, чтобы, вмешавшись в ряды национальной гвардии, они тем легче могли увлечь ее за собою. Заготавливались прокламации, провозглашавшие отстранение Франциска II от управления делами и регентство графа Аквильского. По данному сигналу вооруженные наемники графа должны были броситься ко дворцу и произвести переворот. Министерство узнало об этом плане, и граф Аквильский сам ускорил несчастную для него развязку, не умев до конца выдерживать роли горячего конституциониста. Однажды в совете министров он заговорил новым тоном, требуя реакционных мер и обвиняя конституционных министров в измене. Для собственной защиты они принуждены были высказать, что знают его замысел, что измена задумана не ими, а им; немедленно отправились к королю и, раскрыв ему дело, получили разрешение удалить заговорщика за пределы королевства. Напрасно граф Аквильский требовал свидания с своим племянником: министры убедили короля отказать ему в личных объяснениях, и, через несколько часов, он принужден был отправиться во Францию. Необходимостью принять предосторожности против его замысла многие объясняют провозглашение осадного положения, приписывая самим министрам эту меру, которую мы называли следствием

внушений реакционной партии. Так или иначе происходило дело, по своему собственному соображению министры провозгласили осадное положение или подчинились в этом случае требованию Франциска II, конечно, трудно сказать. Достоверно только то, что при тогдашнем расположении столицы реакционная партия не могла воспользоваться этою мерою, которая обыкновенно бывает залогом ее торжества, и что сама эта партия разделялась на враждебные котерии², строившие заговоры против короля то в пользу его брата, то в пользу одного из его дядей.

Впрочем, и другой дядя короля, граф Сиракузский, думал, подобно вдовствующей королеве и графу Аквильскому, воспользоваться обстоятельствами для присвоения власти. Он вел свой замысел гораздо искуснее. Четыре месяца тому назад мы говорили о его знаменитом письме к королю. Выставляя себя либералом, он уже давно заискивал популярности; теперь, рассчитав, что ни от имени Франциска II, ни от собственного имени не может он долго управлять Неаполем, потому что Неаполь скоро провозгласит королем Виктора-Эммануэля, он вступил в сношения с туринским министерством. Интересы его сходились тут с интересами графа Кавура: чтобы разъяснить это, мы должны сказать несколько слов об отношениях Кавура к Гарибальди. Общий очерк мы сделаем ниже, а теперь упомянем о том, что нужно для объяснения хода дел в столице Неаполитанского королевства.

При вражде своей к Гарибальди, граф Кавур всячески старался, чтобы дело кончилось до появления его в Неаполе. К этому представлялись два пути: убедить Франциска II уехать из Неаполя, когда Гарибальди был еще далеко, или произвести в Неаполе восстание. В том и другом случае была надежда, что приверженцы немедленного присоединения одержат верх над партией Гарибальди и передадут столицу под власть сардинского министерства прежде, чем успеет явиться туда диктатор. Самым простым средством казалось произвести восстание. На этот случай были присланы в неаполитанскую гавань три сардинские фрегата с двумя батальонами сардинских стрелков. При первом народном движении они должны были выйти на берег и стать опорой национальной гвардии в битве с неаполитанскими войсками. Натуральным образом власть над городом оказалась бы в руках сардинского отряда, которому приписали бы всю честь победы и сами горожане, очень мало надеявшиеся на собственную силу. Агенты Кавура образовали бы временное правительство, которое тотчас же отдалось бы в распоряжение туринского кабинета. Этот план возбудил тайную, но чрезвычайно сильную борьбу между предводителями двух партий, на которые делились и в Неаполе, как повсюду, итальянские патриоты. Пьемонтская, или так называемая умеренная партия, в противность своему названию, возбуждала столицу к постройке баррикад. Крайняя

партия, которую называют ее противники республиканской, или маццининевской, всеми силами старалась удержать город от восстания и поддержать спокойствие. Успех был постоянно на ее стороне, отчасти потому, что горожане очень боялись бомбардирования, казавшегося им неизбежною принадлежностью баррикад, отчасти, конечно, и потому, что она, действуя в пользу Гарибальди, имела более симпатии в массе. Борьба продолжалась до самого приезда Гарибальди в Салерно; агенты Кавура отказались от надежды только тогда, когда узнали, что диктатор через несколько часов явится в столице. Но давно уже было видно, что усилия их увлечь жителей столицы к восстанию будут напрасны. Потому Кавур склонился на предложения графа Сиракузского, видя в его плане новый способ не допустить Гарибальди до Неаполя. Граф Сиракузский надеялся (и, говорят, получил обещание из Турина), что, в благодарность за такую услугу, он будет назначен вице-королем Южной Италии. План его состоял в том, чтобы заставить Франциска немедленно уехать из Неаполя. Для этого он (около 22 августа) обнародовал письмо к своему племяннику; в самых благозвучных фразах он доказывал королю надобность как можно поскорее покинуть столицу; в переводе эти фразы значили просто: «поскорее очищайте мне место, любезнейший родственник». Но письмо произвело на короля не то впечатление, какого ждал автор: король заговорил, что надобно наказать графа Сиракузского. Министры не согласились, — да и в самом деле, трудно было думать о наказании человека, говорившего почтительным тоном то самое, что резко говорилось всеми на всех улицах. На массу письмо не произвело вовсе никакого впечатления. Граф Сиракузский уцелел и остался в милости у сардинского кабинета, — больше он ничего не выиграл, и сошел со сцены.

Покинутый своими родственниками, старавшимися вырвать у него власть, уже столь близкую к совершенной гибели, Франциск II все еще думал защищаться в Неаполе. С этою целью он назначил военным комендантом столицы генерала Котруфиано, а командиром национальной гвардии князя Искителлу. Один из них должен был при вступлении Гарибальди бомбардировать город, другой помешать национальной гвардии защищать народ, на который нападут войска. Министры потребовали отставки обоих генералов. Король не согласился. Тогда министры подали в отставку. Король не мог принять ее, потому что она повела бы к восстанию. Котруфиано был отставлен. Искителла сам подал в отставку. На их места были назначены де-Соже и Вилья, которые ни в каком случае не решились бы разорять город или поднимать в нем резню. Столица успокоилась, и странны были последние дни царствования Франциска II: он был как будто чужой человек в Неаполе, готовившемся встречать Гарибальди. Мы представили извлечение из неаполитанской корреспонден-

ции «Times'a» за эти дни; очерки, ею представляемые, не требуют никаких пояснений.

С приближением Гарибальди к Неаполю итальянский вопрос решительно принял ту новую форму, которую раньше или позже должен был принять. Успехи волонтеров принудили Кавура выйти из бездействия. Сардинские войска двинулись против папской армии, и все газеты предсказывают теперь близость войны между итальянцами и австрийским правительством. Чтобы понять решимость Кавура на такой опасный вызов, мы должны припомнить отношения туринского кабинета к итальянскому движению с самого начала гарибальдиевской экспедиции. Читателю известно, что граф Кавур всячески противился отплытию Гарибальди из Генуи. Препятствия, которые он ставил экспедиции, замедлили ее на несколько дней и отняли у Гарибальди возможность взять с собою более 1 000 человек волонтеров, между тем как было готово их к отъезду тысяч пять. Судя по выражениям газетных органов Кавура, надобно думать, что туринский министр надеялся на неудачу Гарибальди и считал его разбитие неаполитанцами за единственное спасение для Италии от нового подавления австрийцами. Конечно, он полагал, что действует как благоразумный патриот, когда и по отъезде Гарибальди мешал отправлению новых экспедиций в Сицилию. Но победа волонтеров при Калата-Фими усилила энтузиазм северной Италии до того, что Кавур принужден был уступить: мешать отправлению экспедиций из Генуи значило бы возбуждать восстание в Ломбардии и Генуе. Они отправлялись, но туринское правительство все-таки делало множество мелких затруднений доктору Бертани, оставшемуся в Генуе агентом Гарибальди по снаряжению экспедиций. По взятии Палермо оно стало действовать на Гарибальди, чтобы убедить его остановиться на этом первом успехе и не переносить войны на континент. Читатель помнит, с каким крайним усердием хлопотал об этом поверенный Кавура в Палермо, Ла-Фарина. Увидев непреклонность Гарибальди, Ла-Фарина не усомнился поднимать против него жителей Палермо; Гарибальди говорит, что Ла-Фарина уже устроил против него заговор, хотел арестовать его, если он не сложит с себя власти добровольно. Правдивость Гарибальди известна и трудно сомневаться в том, что Ла-Фарина действительно собирался прибегнуть к насильственным мерам против него. Заговорщик был предупрежден и выслан назад в Турин. Кавур выказал чрезвычайное раздражение, но, увидев, что все население северной Италии приняло сторону Гарибальди в этой ссоре, должен был перенести обиду. Дело было улажено разрешением отправиться в Палермо, для управления делами в отсутствие Гарибальди, де-Претису — и Кавур возобновил свои настояния, чтобы Гарибальди оставил в покое неаполитанские владения на континенте. Как сильны были эти настояния, видим из слов самого Гарибальди: «я пойду

в Неаполь, хотя бы пришлось для этого сражаться с сардинским войском». Разумеется, и тут, как прежде, Кавур не мог употребить военной силы, — сардинские губернаторы доносили, что народ бросится на войска, если они будут двинуты против волонтеров; а командиры сардинских войск доносили, что ни офицеры, ни солдаты не пойдут против волонтеров. Отправление экспедиций из Генуи в Сицилию продолжалось по этой невозможности употребить против них военную силу; но были придуманы средства сначала уменьшить прилив волонтеров к Гарибальди, а напоследок и остановить их военной силой. Было объявлено в сардинских владениях, что молодые люди, желающие служить национальному делу, должны составлять волонтерские отряды в своих собственных округах, что эти отряды, которые останутся дома, принесут отечеству в минуту опасности гораздо больше пользы, чем люди, отправляющиеся в Сицилию, где энтузиазм их только навлечет на Италию новые бедствия. Средство это было придумано очень ловко, но все-таки не удалось. Отряды волонтеров для домашней службы не формировались, и молодежь попрежнему шла к Гарибальди. Гораздо действительнее оказалось другое средство: все органы Кавура говорили, что Гарибальди служит орудием маццинистов, а Маццини хочет не освобождения Италии от австрийцев, не ее соединения, — нет, хочет только провозглашения республики и в Сицилии, и в Неаполе, и в самом Турине. Таким образом, Гарибальди был выставлен за человека, посредством которого Маццини хочет низвергнуть Виктора-Эммануэля. Когда эти слухи о влиянии Маццини на Гарибальди и о намерении Маццини низвергнуть Виктора-Эммануэля были достаточно распространены, Кавур отважился поступить решительнее прежнего: в Генуе снаряжалась большая экспедиция для вторжения в Папскую область одновременно с тем, как Гарибальди высадится в Калабрии. Министр внутренних дел Фарини, которого Кавур часто заставлял в последнее время действовать вместо себя, потому что Фарини сохранил больше популярности, нежели он, приехал в Геную (в начале августа) и объявил Бертани, что арестует его и употребит военную силу против волонтеров, если они не откажутся от своего намерения. Бертани принужден был уступить; но оставить в Генуе многочисленных волонтеров, раздраженных враждебными действиями против них, показалось слишком опасно, и чтобы сбить их с рук, отправили их на остров Сардинию, заставив и Бертани удалиться вместе с ними. План действий, составленный Гарибальди, был наполовину разрушен этим, и высадка его на континент замедлена. Читатель видел в переведенных нами письмах, что Бертани явился прямо к Гарибальди, что экспедиция в папские владения составлялась по плану Гарибальди, что Бертани и в этом случае, как во всех других, был только агентом и поверенным Гарибальди. Но сардинские газеты министерской партии с неве-

рботную смелостью разглашали совершенно противное: они говорили, что Бертани изменил Гарибальди, начал действовать против него, что экспедиция, снаряжаемая Бертани против папских войск, собственно потому и была устранена сардинским министерством, что должна была послужить для Маццини средством вырвать власть над итальянским движением из рук Гарибальди. Органы Кавура доходили до того, что утверждали, будто бы Бертани, этот враг Гарибальди, вовсе не имел участия в снаряжении прежних экспедиций, отправлявшихся в Сицилию: Бертани только интриговал по внушениям Маццини, и волонтеры, отправлявшиеся в Сицилию, не хотели иметь с ним никакого дела: их набирал, вооружал и отправлял адвокат Крессини, о котором никто до тех пор и не слышал. Этот открытый графом Кавуром великий двигатель экспедиций был в действительности одним из многочисленных второстепенных агентов, находившихся в распоряжении Бертани.

Таковы были отношения графа Кавура к итальянскому движению перед высадкою Гарибальди на континент: он, сколько мог, мешал движению и находился во вражде с Гарибальди. Вражда не прекратилась и до последнего времени; но неожиданные успехи национального движения заставили Кавура изменить образ действий. Когда обнаружилось, что Франциск II скоро должен будет выехать из Неаполя, Кавур, как мы уже рассказывали, хотел занять эту столицу раньше Гарибальди и не допустить его туда. Мы говорили об отправлении сардинских войск в неаполитанскую гавань и о замысле графа Сиракузского. Кроме этих способов не допустить Гарибальди до Неаполя, был употреблен Кавуром в дело еще третий способ, которого нельзя назвать благоразумным с его стороны. Из приближенных падавшего короля первые покинули Франциска те люди, которые прежде утверждали его в образе действий, бывших причиною его падения. Большая часть из них удовлетворилась, впрочем, тем, что бежали за границу, покидая короля на произвол судьбы. Но нашлись предатели еще менее совестливые. Из них особенно отличился генерал Нунцианте, бывший прежде самым усердным служителем реакционных мер. Увидев, что счастье на стороне Гарибальди, он поспешил в Турин к графу Кавуру, условился с ним и, возвратившись в неаполитанские владения, издал прокламацию к неаполитанской армии, пригласывая своих старых товарищей по оружию собираться вокруг него, генерала Нунцианте, ставшего непримиримым противником Франциска II и верным слугою Виктора-Эммануэля. Удивительно, до какой степени ослеплен был граф Кавур желанием не допустить Гарибальди до Неаполя: как мог он забыть, что предатели, подобные Нунцианте, бывают слишком опасными сообщниками? Если бы Нунцианте удалось, при помощи Кавура, захватить власть в Неаполе, он, конечно, первую своею заботою поставил бы погубить графа Кавура со всеми, без

различия, патриотами и кавуровской и мацциниевской партий. Но и это дело не удалось. Для тех из неаполитанских солдат, которые хотели перейти на сторону патриотов, выбор между Нунцианте и Гарибальди не мог быть сомнителен. Как мог не предвидеть Кавур и этого, как не предугадал он, что сношениями с Нунцианте он навлекает на себя порицание, без всякой возможности выигрыша?

Но должно отдать Кавуру ту справедливость, что он выказал наконец себя человеком расчетливым, когда увидел неудачу всех своих попыток действовать мелкими интригами. Он понял наконец, что единственное средство бороться с Гарибальди и радикалами, представителем которых служит Гарибальди, состоит в том, чтобы самому приняться за дело, дающее им власть над нацией. Народное движение оказалось неуправляемым, в противность прежним усилиям Кавура удержать его. Еще несколько недель, и общественное мнение передало бы управление делами в северной Италии предводителю волонтеров и людям, мнение которых он разделяет. Чтобы удержать власть, Кавуру надобно было самому стать во главе движения, и он сделал это.

По обыкновению, мы не берем на себя труда разбирать, на чьей стороне должно быть сочувствие читателя, кто прав, Франциск II, Пий IX, Виктор-Эммануэль, император Наполеон или император Франц-Иосиф, — Рехберг, Антонелли, Кавур или Маццини и Гарибальди, — мы предоставляем самому читателю рассуждать, чьи принципы полезнее. Если иногда мы и делаем какие-нибудь суждения о действиях той или другой партии, того или другого политического лица, то единственно лишь с точки зрения расчетливости этих действий, пригодности их для той цели, какую имеют в виду люди, их совершающие, а вовсе не с той точки зрения, хороша или дурна сама эта цель. Так и теперь мы вовсе не хотим судить о том, хорошо или дурно само по себе дело, одним из представителей которого служит Кавур, — дело низвержения прежнего порядка в Италии для доставления политического единства итальянской нации; мы говорим только, что он понял наконец, каким единственным способом может он вырвать ведение этого дела из рук Гарибальди; а когда понял потребности своего положения, то стал действовать очень быстро и расчетливо. Фарини был послан к императору французов, путешествовавшему по новоприобретенным от Сардинии областям, объяснить причины, заставляющие туринское правительство послать войска на поддержку национального движения. Гарибальди — предводитель революционных сил; если оставить национальное движение без других руководителей, оно, овладев Неаполем, устремится на Рим, и французы должны будут отправиться оттуда на родину или сражаться против итальянцев. То и другое несообразно с намерениями императора французов; итак, он должен разрешить Кавуру стать во главе движения,

чтобы связать руки Гарибальди. В этом состояла сущность соображений, так или иначе изложенных Фарини императору французов. Мы не знаем, в каких именно словах отвечал Наполеон III; но сущность ответа обнаруживается ходом дел. Разрешение, вероятно, было дано, с условием, чтобы остались неприкосновенны Рим и его окрестности.

Тотчас же по возвращении Фарини в Турин были приняты меры, чтобы сардинские войска могли по первому знаку вступить в папские владения. Читатель знает общий ход следовавших затем событий. С приближением Гарибальди к Неаполю начались восстания в тех городах папских владений, где не было войск Ламорисьера. Инсургенты послали просить покровительства у Виктора-Эммануэля; он принял их под свою защиту, и два корпуса сардинских войск быстро двинулись на Ламорисьера, — один, под командою Чальдини, по восточному берегу на Анкону; другой по долине Тибра, под командою Фанти. Они втрое превосходили числом те силы, которыми располагал Ламорисьер, и борьба не могла быть продолжительна, особенно если принять в соображение, что Ламорисьер не мог истребить ни воровства подрядчиков, поставщиков и самих командиров, ни буйства солдат, набранных большею частью из самых дурных людей целой Европы; он не мог быть победителем, но все-таки мог несколько замедлить развязку. Он распорядился так дурно, что потерял всю свою военную репутацию. Несколько отрядов его были захвачены врасплох, сам он был отрезан от Анконы, которая должна была служить ему операционным базисом, а когда бросился пробиваться к ней, был разбит наголову, опрометчиво атаковав неприятеля, стоявшего в слишком крепкой позиции. Через пять или шесть дней по открытии военных действий, папские войска остались только уже за стенами Анконы, которая не может долго держаться, будучи окружена с суши и с моря. Все это известно читателю; а связных и подробных известий мы еще не имеем в ту минуту, когда пишем это. Точно так же не можем еще мы представить связного рассказа о распоряжениях Гарибальди в Неаполе, о битве, которую имел он у Капуи с неаполитанскими войсками, и о том, в какое отношение стал он к туринскому правительству по занятии Неаполя и по открытии войны между Сардиниею и папою. Отлагая рассказ об этих делах до следующего месяца, мы скажем лишь несколько слов о различных шансах развязки, к которой быстро идет итальянский вопрос.

Если Кавур долго мешал национальному движению, он поступал так, разумеется, не по недостатку патриотизма, — нет; при всем нашем нерасположении превозносить его до облаков, мы не можем отказать ему в этом чувстве. Он просто боялся, что движение, до сих пор увенчивавшееся таким успехом, приведет Италию к потере всего, приобретенного ею. Он со всею умеренною партиєю боялся, что император французов дозволит австрий-

цам воспользоваться экспедициею Гарибальди для объявления войны Виктору-Эммануэлю, и находил, что Италия не может выдержать одна борьбу с ними и будет подавлена. Действительно, при том способе войны, которого должна держаться умеренная партия, победа австрийцев едва ли подлежала бы сомнению.

Если Гарибальди не боится австрийцев, то лишь потому, что он рассчитывает вести войну иначе, имеет союзников, с которыми не может сойтись Кавур, от помощи которых отказался бы Кавур, если б они и захотели иметь с ним дело. Гарибальди думает не отбивать Венецию у австрийской державы, неприкосновенно остающейся во владении другими своими областями, — нет, он рассчитывает на восстание Венгрии, которое послужит сигналом других переворотов, так что не останется австрийских войск против него в Венеции. Точно так же он думает, что и Римом овладеет не посредством битвы с французами, — нет, он полагает, что французы уйдут из Рима, если потребует того вся Италия; он полагает, что общественное мнение самой Франции исполнит эту часть дела.

Кавур не хочет революций ни в Венгрии, ни где бы то ни было, и не полагает, чтобы Франция не допустила своих солдат до битв с итальянцами.

Много оскорблений наносил Кавур Гарибальди до взятия Палермо; но напрасно было бы приписывать нынешнюю вражду между ними личным неприятностям, — это вражда двух партий, из которых одна полагает, что для создания итальянского единства и величия надобно действовать революционным путем, другая надеется держаться только с разрешения императора французов, только в пределах, допускаемых им³. Которая из них одержит верх в Италии, мы увидим очень скоро. — 2 октября (20 сентября) соберется парламент королевства северной Италии, и его прениями разъяснится дело.